

Время пролетает незаметно. Спустя несколько лет вновь настала пора полнолуния.

— Где князь? Семейный пир вот-вот начнётся, а его всё нет?

— В саду...

Сюй Вэнь рассердилась:

— Опять гоняется за сверчками?!

Сюй Вэнь уже собиралась подхватить подол и пойти выругать его, но макияж был сделан лишь наполовину, и вся голова была утыкана цветными шпильками. Она взглянула в зеркало и с лёгким раздражением сказала:

— Сними все шпильки, не хочу больше их носить.

Служанка робко ответила «да» и потянулась убирать украшения. Тогда Сюй Вэнь спросила:

— Подарки на Праздник середины осени уже разослали? Получили ответ?

Рядом управляющий ответил:

— Ответ доставили только сегодня. Второй шурин прислал письмо, и вместе с ним ещё отправил местные деликатесы из Янчжоу...

С этими словами управляющий повернулся, и служанка подошла с деревянным подносом.

Взяв с него письмо, он почтительно подал его Сюй Вэнь и продолжил:

— Целая повозка лунных пряников с морепродуктами, пять коробок османтусовых пирожных, десять кувшинов «Зелени листьев бамбука»*, живая рыба...

* Зелень листьев бамбука (竹葉青) — травяная настойка на базе гаоляновой водки.

— Довольно, — Сюй Вэнь швырнула письмо обратно на поднос и раздражённо бросила: — Каждый год одно и то же.

Затем её взгляд упал на человека, стоящего позади управляющего.

Это был высокий мужчина в доули*. Он стоял в стороне, скрестив руки в рукавах. Одежда, похоже, была ему не впору, и обнажала участок чистой бронзовой кожи на шее.

* Доули (斗笠) — широкополая коническая шляпа, обычно из бамбуковой щепы, для предохранения от дождя и солнца.

Мужчина опустил голову, спрятав глаза под доули, и видимым оставался лишь его резко очерченный профиль.

Сюй Вэнь спросила:

— А ты кто такой?

Управляющий поспешно отступил в сторону, давая тому выйти вперед.

— Это человек, присланный вторым шурином... — начал объяснять управляющий.

Сюй Вэнь перебила его:

— Достань для него красный конверт, пусть празднует с остальными.

На лице управляющего мгновенно отразилось смущение. После паузы он робко произнёс:

— Второй шурином... велел ему явиться к госпоже, чтобы найти здесь работу.

Сюй Вэнь усмехнулась:

— У этого бесстыжего Цзэншоу даже своих людей прокормить не выходит?

Мужчина молчал. Сюй Вэнь небрежно бросила:

— Посидишь в сторожке. Через несколько дней, как князь примет решение, найдём тебе занятие.

Сюй Вэнь задумалась, а затем спросила:

— Юньци прислал ответ?

Управляющий почтительно ответил:

— Младший шурин не посылал письма, только шкатулку.

Сюй Вэнь слегка нахмурилась:

— Принеси её сюда, посмотрю.

Управляющий поднял шкатулку с подноса, сорвал печать и собственноручно открыл. Когда Сюй Вэнь увидела содержимое, её уголки губ чуть приподнялись.

В шкатулке лежала белоснежная нефритовая шпилька, вырезанная мастером. Её верхушка была выполнена в виде ветви, притом настолько искусно, что можно было разглядеть текстуру дерева. Каждая деталь выглядела живо и красочно. Отслоившаяся кора, трещины — всё казалось поразительно реалистичным.

На ветви красовались несколько цветков османтуса. Их лепестки, блестящие как жемчуг, окружали тончайшие, словно волос, тычинки, вырезанные с удивительной чёткостью.

Сюй Вэнь восхищённо воскликнула:

— Сколько же серебра потратил этот мелкий подлец, сорящий деньгами*.

* Досл. «большие руки и большие ноги» (□□□□).

Она взяла шпильку и, поднеся к свету фонаря, разглядела четыре иероглифа размером с рисовое зернышко на её конце.

Молчавший до этого мужчина неожиданно произнес:

— «В Лунном дворце сорвать ветку османтуса*», это почерк Су Ваньжун из резиденции Цзян, что в четвёртом переулке.

* В Лунном дворце сорвать ветку османтуса (□□□□) — обр. в знач.: успешно выдержать экзамены на учёную степень.

Сюй Вэнь удивилась:

— Ты знаешь Су Ваньжун?

В голосе мужчины прозвучал лёгкий смешок, когда он ответил:

— Мастерство, превосходящее творения природы. Во всём Нанкине лишь она одна на это способна. После того, как вышла замуж за шиф... Цзян Хуаня, она больше не брала в руки резец. Эта шпилька стоит по меньшей мере тысячу лян золота, да и за деньги её не достать.

Он добавил:

— Говорят, даже наследный принц как-то хотел заказать у неё нефритовую подвеску в подарок, но госпожа Цзян отказалась.

Сюй Вэнь рассмеялась:

— Понятно. Стало быть, этот мелкий подлец упрямил свою шинянь собственноручно вырезать ему шпильку.

Управляющий поддакнул:

— Младший шурина всегда был внимателен.

Сюй Вэнь фыркнула:

— У того, кто получает всё даром, дело всегда идет как по маслу*.

* Досл. «бизнес, не требующий затрат, везде находит источники» (□□□□□□□□□□).

Хотя и она говорила так, но на лице всё же появилась лёгкая радость. Она распорядилась:

— Сегодня не буду надевать парчу, принеси чёрное платье со дна сундука.

Служанка тут же поклонилась и поспешила выполнить приказ. Сюй Вэнь выдернула цветочные шпильки и швырнула их на поднос. Её иссиня-чёрные волосы рассыпались водопадом по плечам. Затем она накинула на себя чёрное вышитое одеяние. Её нефритовая кожа на фоне тёмной ткани сияла ослепительной красотой.

Собрав волосы, она воткнула в причёску лишь нефритовую шпильку Юньци. Окинув высокого мужчину оценивающим взглядом, Сюй Вэнь приказала:

— Сними доули.

Мужчина снял шляпу и встретился с ней взглядом, но почти сразу неестественно отвел глаза.

У него была высокая переносица с орлиным изгибом, а глаза будто отливали глубоким бурым оттенком панциря черепахи.

Сюй Вэнь спросила:

— Тюрок? Какое отношение ты имеешь к волчьему клану, что часто навевается в усадьбу...

Мужчина без раздумий ответил:

— Никакого.

— Как тебя зовут?

— Чжу Фэн.

Сюй Вэнь фыркнула:

— Ну и имя — «бешеная свинья»*.

* Тоба Фэн назвал себя «猪疯» (zhū fēng), где «Чжу» — фамилия Чжу Ди, что созвучно с «猪» (zhū fēng), «бешеная свинья».

Не став спрашивать о его происхождении, она сказала:

— Сначала поешь. Судя по твоему виду, ты знаком с боевыми искусствами. С завтрашнего дня будешь прислуживать князю.

Чжу Фэн кивнул:

— Благодарю госпожу.

Чжу Ди лежал на лужайке, держа во рту травинку. Осенний сад был наполнен ароматом османтуса. Довольный, он прищурил глаз и, насвистывая, шарил рукой внутри декоративной каменной горки.

Сюй Вэнь вышла во двор в сопровождении управляющего и служанки и, словно хэдунская львица*, проорала в сторону сада:

— Князь! К столу! Сколько можно рыться в собачьих норах? Надеешься, что докопаешься до богатств и почестей?

* Досл. «Рычит хэдунская львица» (嗷嗷嗷). «Хэдунская львица» — обр. о сварливой и ревнивой жене; по стихотворению Су Дун-по о его друге Чэнь Цзи-чане, жена которого, родом из Хэдуна, была крайне сварлива и разгоняла гостей своего мужа.

Чжу Ди поспешно выплюнул травинку и вскочил.

— О-о! — глаза его округлились от восхищения. — Супруга! Сегодня ты просто...

Сюй Вэнь была слегка накрашена, на ней было чёрное платье, а ее густые чёрные волосы, украшенные белоснежной нефритовой шпилькой, водопадом ниспадали на спину. Чжу Ди, глядя на неё, чуть ли не пускал слюни.

Сюй Вэнь бросила на него взгляд, вроде бы с упреком, а вроде бы и нет, и, не останавливаясь, направилась в главный зал.

Чжу Ди, заискивающе улыбаясь, поспешно зашагал следом, подставив руку, чтобы жена могла на неё опереться. Пир в честь Праздника середины осени в княжеской резиденции наконец начался.

Тоба Фэн, поджав длинные ноги, сидел за столом в укромном углу за пределами главного зала. За этим столом собрались дворовые слуги и счетоводы. Никто с ним не заговаривал, и он тоже не произносил ни слова. Лишь наливал себе вина да накладывал угощения. Из зала доносился раскатистый смех Чжу Ди и беглый пекинский акцент нескольких гостей.

— Вот я и говорю: «Ой, прошу, не беспокойтесь, я сам справлюсь, не посмею тревожить князя», — смеялся мужской голос. — Надо было приехать ещё на сотый день молодого господина, но шифу никак не отпускал меня с гор, вот и пришлось ждать...

Чжу Ди поспешно ответил:

— Ничего, ничего! Раз уж приятель Яо приехал, оставайся у нас.

Сюй Вэнь вдруг переменялась, мягко улыбнувшись:

— В прошлый раз с моим младшим братом... всё благодаря мастеру Яо...

Когда Тоба Фэн услышал эти слова, сердце его подпрыгнуло, и он спросил:

— А что случилось... с братом госпожи?

Один из слуг оглядел его и со смехом ответил:

— Долгая история. Несколько лет назад младший шурина получил в столице ранение, и мастер Яо его тогда вылечил.

Тоба Фэн прищурился и наострил взгляд:

— Какое ранение? И как он его вылечил?

Слуга был изрядным любителем сплетен. В княжеской резиденции и правда было скучновато, и даже мелочь могла обсуждаться здесь неделями, а уж такое событие тем более. Едва заслышав вопрос Тоба Фэна, он оживился и затараторил на пекинский манер:

— Так вы, значит, из семьи второго шурина? Ну, тогда вам тоже положено звать его младшим шурином. Слушайте, расскажу вам. Он в столице, под самым носом императора, служил в Цзиньивэй. Айо, батюшки мои... Цзиньивэй, вы хоть понимаете, что это? Нет? Так вот, скажу вам. Цзиньивэй — это что-то с чем-то...

— Ближе к делу! — недовольно оборвал его Тоба Фэн.

В его голосе всё ещё чувствовался былой авторитет. От резкого окрика слуга подсознательно выпрямился, с подозрением посмотрел на него, но всё же продолжил:

— Вам, видно, не терпится... Ладно, буду краток. Младший шурина — человек несказанного таланта, говорят, сам император его очень ценит. Но тогда, невесть как, он умудрился совершить преступление, караемое смертной казнью.

Тоба Фэн затаил дыхание, внимая каждому слову.

Слуга продолжал:

— Однако младший шурина — человек хороший, и ему сопутствует удача. Поскольку судьба к нему благосклонна, казнить его не стали, а только подвергли порке. Ох, матушки мои... Вы бы только знали, прямо перед императором и всеми сановниками его высекли целых триста шестьдесят раз...

«...»

Тоба Фэн, сжимая винную чарку, дрожал всем телом, не в силах поверить услышанному.

Слуга нервно продолжил:

— Триста шестьдесят ударов! Наш князь всё это видел, и сердце у него разрывалось. Хоть он и

просил пощады, ничего не помогло. Пришлось просто смотреть, как младшего шурина избивают, вот ведь грех то какой.

— Говорят, обе ноги ему тогда исколечили, рёбра все переломали, и всё кругом было залито кровью... Так били, что ни гражданские, ни военные чиновники не смогли этого вынести. Один за другим они падали на колени перед императором и просили пощады...

— А как только всё закончилось, князь сразу же отнёс шурина обратно да, разрыдавшись, взывал к небу и бился лбом о землю...

— В тот момент младший шурин находился на последнем издыхании. Он был ни жив, ни мёртв. Говорят, у него было какое-то неоконченное заветное желание, потому и цеплялся за жизнь. К счастью, князь тут же собрал всех известных столичных лекарей. Их было столько, что во дворе стало тесно...

— Князь остался в Цзиньлине и послал людей с донесением. А госпожа, как только узнала, так зашлась плачем, что небо покрылось черной пеленой, а над землей повисла беспросветная мгла... Эй, братец, братец? Ты чего и сам плачешь? Чего ты, а? Тоже почувствовал, да?

Слуга невольно проникся уважением к собственному таланту рассказывать истории. Выдержав паузу для нагнетания эмоций, он смахнул навернувшиеся слезы с глаз и задумчиво уставился в воображаемый горизонт, созерцая несуществующее закатное солнце, после чего с глубоким вздохом продолжил:

— Госпожа тогда взяла деньги и велела этому ничтожному раздавать еду беднякам, приказала всему городу держать пост. В тот же день отовсюду созвали монахов и даосов, и те проводили обряды прямо в доме. Как раз в это время мимо проходил великий мастер Яо Гуансяо. Услышав о случившемся, он достал тайную реликвию своей школы, что звалась «Ледяная красноглазая жаба», и передал её с гонцом обратно. Вот так и удалось спасти жизнь младшему шуруину Юньци...

— Яркая луна в небе, жемчужина в вышине, где же та красавица, в тысячах ли от меня...

— Князь, вы каждый год повторяете эти строки.

— Хе-хе, этот князь читал мало книг и с детства не слишком образован...

— Но рифмуется же!

Чжу Ди и Яо Гуансяо, изрядно подвыпив, вышли из зала и остановились во внутреннем дворе. Издалека доносилось благоухание десяти ли лотосовых прудов и осеннего османтуса, наполняя сердце безмятежной радостью.

Яо Гуансяо недавно вернулся к мирской жизни, и на его голове ещё красовались короткие, не длиннее трёх цуней, волосы, а на лице — юношеская бородка. Сложив ладони, он произнёс:

— Князь, прошу, возвращайтесь, Гуансяо уже отправляется.

Чжу Ди усмехнулся:

— Братец Яо, если тебе что-нибудь понадобится, в любое время обращайся ко мне.

Яо Гуансяо с сияющим лицом и в прекрасном расположении духа с улыбкой кивнул и повернулся, чтобы покинуть резиденцию. Однако под садовым навесом во дворе его уже поджидал высокий мужчина, стоявший там довольно долго. Это был Тоба Фэн.

С покрасневшими глазами Тоба Фэн, вытянув шею, перегородил дорогу Яо Гуансяо и встал перед ним. Без лишних слов он откинул полы халата и опустился на колени.

— Э-э, благодетель*? Что вы...

* Обращение буддийских монахов к мирянам (□□).

Чжу Ди, неожиданно напуганный этой сценой, поспешил вперед. Яо Гуансяо нагнулся, чтобы помочь ему подняться, но Тоба Фэн учтиво поклонился и трижды стукнул перед ним лбом об землю.

Яо Гуансяо в недоумении нахмурился и спросил у Чжу Ди:

— Это человек из княжеской резиденции?

Тоба Фэн хрипло проговорил:

— Благодарю мастера Яо за великую милость.

Затем он поднялся и отошёл в сторону, погружившись в молчание.

Чжу Ди, услышав его голос, резко вдохнул, но, не обращая внимания на Тоба Фэна, поспешил сказать Яо Гуансяо с улыбкой:

— Ничего, брат Яо. Это долгая история, как-нибудь в другой раз расскажу.

Проводив Яо Гуансяо, Чжу Ди обернулся к Тоба Фэну, всё ещё стоявшему в стороне:

— Почему ты приехал в Пекин, даже не предупредив?

Он отвёл Тоба Фэна в сад, распустил слуг и только тогда сказал:

— Разве я не говорил тебе приехать после Нового года?

Тоба Фэн немного успокоился. Подувший в их сторону осенний ветер развеял аромат вина. После раздумий Тоба Фэн ответил:

— Я не хотел ютиться под чужим плетнем*.

* «Ютиться под чужим плетнем» (□□□□) — обр. быть нахлебником.

Чжу Ди сразу понял, что в Янчжоу Тоба Фэну пришлось несладко, и усмехнулся:

— Ладно, раз приехал, оставайся. Если уж на то пошло, этот князь ведь тоже государственный преступник. Один императорский преступник покрывает другого.

Тоба Фэн задумчиво смотрел на пруд с увядшими лотосами и спустя мгновение спросил:

— Князь, как сейчас живётся Юньци?

Чжу Ди улыбнулся в ответ:

— Отлично живётся, не беспокойся. После Нового года у стражей Цзиньвэй как раз будет пятилетний отпуск для того, чтобы вернуться домой навестить родных. Тогда с ним и увидишься.

Тоба Фэн кивнул, и они продолжили неспешную прогулку вдоль пруда. Внезапно Чжу Ди снова заговорил:

— То, что случилось в тюрьме тогда, из твоих писем было не ясно. Расскажи сейчас, как выглядел тот человек, что принёс тебе вино?

Тоба Фэн на мгновение задумался, но, едва он собирался ответить, как вдруг заметил женщину, стоявшую под крытой галереей — это была Сюй Вэнь.

Тоба Фэн не успел жестом поприветствовать ее, а у Чжу Ди уже дрогнуло сердце, и он быстро спрятался за его спиной. Сюй Вэнь нахмурилась:

— Откуда ты знаком с этим слугой моего второго брата?

Чжу Ди поспешно рассмеялся:

— Что ты! Твой муж просто увидел этого тюркского брата, и ему стало любопытно, вот он и решил с ним немного поговорить. Из дома второго шурина, говоришь?

Сюй Вэнь недоверчиво прищурилась:

— Немного поговорить? И договорились до того, что слёзы полились ручьями?

Чжу Ди отделался невнятным смешком и торопливо подмигнул Тоба Фэну. У того хоть и было ещё множество вопросов, но он был вынужден с поклоном удалиться.

Только теперь Сюй Вэнь взяла с руки висевший халат, расправила его и подошла, чтобы накинуть на Чжу Ди.

Он сказал:

— У того ребёнка тяжёлая судьба, он с рождения потерял отца и мать. Ты ведь знаешь, каково живётся тюркам. С юга — мы, ханьцы, с севера — монголы, каждый день под гнётом...

Сюй Вэнь перебила его:

— Довольно.

Чжу Ди неловко замолчал, взял Сюй Вэнь за руку и после паузы заулыбался:

— Супруга сегодня особенно прекрасна. Откуда у тебя в волосах эта шпилька? Гости на пиру все тебя расхваливали.

Сюй Вэнь раздражённо ответила:

— Что же ты глаза этим псам прямо там не выколол?

Они оба рассмеялись, и Чжу Ди сказал:

— В этом году на Праздник середины осени выдалась хорошая погода, луна...

Он поднял голову и вдруг увидел, как по багровому небу пронеслась кроваво-красная падающая звезда, исчезнув в мгновение ока.

Повсюду лежали опавшие листья платанов. В Нанкине царила золотая осень.

Во дворе Цзиньивэй расставили несколько больших круглых столов. За одним из них сидели двенадцать человек, и перед ними уже стояли изысканные яства и отменное вино.

Юньци поднял с улыбкой чарку:

— О, жить бы всем долго, и чтобы за тысячи ли в разлуке бы вместе луной любоваться могли*!
До дна!

* Строки из стихотворения Су Ши «Песня на Водный мотив» (□□□□).

С этими словами он опрокинул чарку.

Остальные императорские телохранители дружно подхватили тост и взялись за палочки. Вдруг во двор вбежал евнух и пронзительно возвестил:

— Командир Юнь! Поступило распоряжение из зала Тайхэ!

Юньци, сетуя на свою горькую участь, швырнул палочки и буркнул:

— Ну и что на этот раз?

Евнух ответил:

— Его Величество вернулся в зал Тайхэ для рассмотрения докладов. Во дворце требуется присутствие Цзиньивэй.

Прежде чем Юньци успел ответить, телохранители уже начали один за другим чрезвычайно сокрушенно* подниматься.

* Досл. «будто потеряли родителей» (□□□□).

Юньци произнес:

— Я ещё никого не назначил! Что такие прилежные-то, а?!

Жун Цин рассмеялся:

— Готовимся заранее, чтобы ты потом не оказался меж двух огней.

Юньци улынулся и поднялся:

— Я сам схожу. Нечего в праздник вас беспокоить. Ребята, ешьте, только оставьте мне.

Молодые люди дружно расхохотались, хваля его за дружескую верность. Один из них, смеясь, положил ему куриную ножку:

— От выпивки на пустой желудок закружится голова. Перекуси сначала.

— М-м-м, — Юньци откусил кусок куриной ножки и поспешил в свою комнату переодеться в фэйюйфу. Продолжая жевать на ходу, он последовал за евнухом в зал Тайхэ.

Юньци вытер рот рукавом, поклонился и занял место у императорского стола.

Чжу Юаньчжан просматривал доклады, делая вид, что не замечает его.

Аромат цветов с вечерним ветерком проникал в зал. В сумерках евнухи зажгли по всему залу масляные лампы.

Юньци стоял у императорского стола, при свете фонарей разглядывая старое, словно высохшее дерево, лицо Чжу Юаньчжана. «Вот уж действительно трудолюбивый император», — подумал он. В молодости он участвовал в битвах и походах и спал всего по два шичэня в сутки, а когда стал императором, то снял с должностей и канцлера, и начальника цензората. Доклады шести министерств теперь поступали напрямую в зал Тайхэ, и каждый день приходилось рассматривать по тысяче документов.

Он не упускал ни одной мелочи, даже смертные приговоры подписывал собственноручно. И спал всё так же, по два шичэня в день. Неужели быть императором так уж приятно?

Юньци не мог этого понять.

Ещё труднее было осознать другое. Чжу Юаньчжану уже исполнилось семьдесят, а он по-прежнему был полон сил. Даже в праздник возвращался сверхурочно разбирать доклады. До какого же возраста он собирался дожить?

Юньци никак не мог этого понять. Чжу Юаньчжан был словно вулкан. Пока он на троне, бесчисленное количество семей могло в любой момент лишиться имущества и жизнью. Почему

же он ещё не умер?

Как долго он ещё собирался жить?

Чжу Юаньчжан бесстрастно произнёс:

— Юньци.

Юньци ответил:

— Ваш слуга здесь.

Чжу Юаньчжан закрыл глаза и потер виски, явно испытывая усталость. Юньци, поняв намёк, коснулся пальцами точки фэнфу на затылке императора и начал мягко массировать.

Чжу Юаньчжан сказал:

— Довольно.

Юньци убрал руку, и Чжу Юаньчжан продолжил:

— Помнишь своего отца?

Сердце Юньци сжалось. Он испугался, что у императора вновь вспыхнуло убийственное намерение, и не знал, как ответить. Его нервы были напряжены до предела, и ум вновь заработал в поисках решения.

Чжу Юаньчжан сказал:

— Если помнишь — скажи, что помнишь. Если не помнишь — скажи, что нет.

Юньци непроизвольно ответил:

— Последний раз я видел его в три года, так что сейчас уже не помню.

Чжу Юаньчжан сказал:

— И чжэнь не помнит.

Чжу Юаньчжан откинулся на драконьем троне, и его глаза рассеянно смотрели на вечерние сумерки за пределами зала. Он медленно произнёс:

— Чан Юйчунь, Сюй Да, Фу Юдэ, Лю Цзи, Ли Шаньчан... Лань Юй.

— Столько лет прошло... Почему же чжэнь даже не может вспомнить, как они выглядели?

«Ты же сам их всех казнил, — подумал Юньци. — Боишься, что их призраки придут за тобой, вот и притворяешься, что не помнишь».

Чжу Юаньчжан вновь размеренно заговорил:

— «Песня о печёных лепёшках»*, сочинённая Лю Цзи...

* «Песня о печёных лепёшках» (餠歌) — пророчество о взлёте и падении династии Мин, составленное Лю Бовэнем (Лю Цзи). Согласно преданию, когда Лю Бовэнь явился к императору Чжу Юаньчжану, тот как раз ел кунжутные лепёшки. Император накрыл пиалу с лепёшкой и спросил Лю Бовэня, что находится внутри. Тот ответил: «Лепёшка». Тогда император попросил его предсказать будущее Поднебесной.

Юньци едва сдержал усмешку: «Фу Юдэ, Лань Юй... ведь это ты сам приказал мне их казнить. И вот уже забыл.»

В следующее мгновение Чжу Юаньчжан медленно покачал головой, словно пытаясь изгнать эти воспоминания. Затем он зевнул, выпрямился и взял очередной доклад.

Краем глаза Юньци разглядел текст на бумаге, это было послание императорского советника:

«Ваше Величество уже в годах, ему надлежит спокойно наслаждаться отпущенным небом сроком. Не бывало ещё, чтобы человек, достигший семидесяти лет, всё ещё лично ведал государственными делами. Прошу передать престол наследному внуку...»

Чжу Юаньчжан с невозмутимым видом обвёл имя советника кружком, а затем взял кисть с красной тушью.

Юньци, выдавший подобное не раз, понял, что сейчас будет написано «казнить».

Действительно, Чжу Юаньчжан начал выводить левую часть иероглифа.

Но, не успев закончить черту, как его рука дрогнула, и кисть слегка стукнула по докладу, оставив красное пятно.

«Снова передумал казнить», — безучастно подумал Юньци.

Затем постаревшая голова Чжу Юаньчжана медленно склонилась и с глухим стуком ударилась об императорский стол.

Юньци какое-то время в оцепенении смотрел на него, прежде чем осознал, что произошло.

В тридцать первом году Хунью император Чжу Юаньчжан скончался, прожив семьдесят один год.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326073>